

От подобных намеков Жуань Юньшэн уже не мог сдерживаться. Его костяшки побелели, и он только собирался взорваться, как Е Мянью остановил его. Оттащив друга в сторону, он сначала осмотрел его шею, затем оттянул воротник и заглянул под одежду. С холодным как лед лицом Е Мянью произнес:

— Чай горячий. Быстрее ведите Юньшэна в лечебный корпус, нужно помазать ожог.

Вэй Аньюань, Ли Чжао и Вэнь Сюнь разом изменились в лице.

Грудь Вэй Аньюаня тяжело вздымалась. Свирепо зыркнув на Сюэ Пиньюаня, он вместе с Вэнь Сюнем силой увел Жуань Юньшэна наружу.

Проводив их взглядом до дверей павильона Цзюсянь, Е Мянью расправил рукава и с бесстрастным лицом направился к Сюэ Пиньюаню. Тот невольно отступил на шаг. Сюэ Пиньюань только открыл рот, собираясь спросить, что ему нужно, как Е Мянью без лишних слов врезал ему кулаком по лицу.

Сюэ Пиньюань пошатнулся и налетел поясницей на обеденный стол позади. Сидевшие за ним ученики поспешно разбежались в стороны. Е Мянью сделал несколько быстрых шагов и нанес удар ногой. Он бил в полную силу, вложив в этот пинок всю свою ярость, так что Сюэ Пиньюань, схватившись за живот, повалился на пол.

Столпившиеся вокруг зеваки испугались. Среди здешних учеников хватало высокомерных грубиянов, но чтобы они сами лезли в драку — такое случалось крайне редко. К тому же в академии при них не было слуг. Обычно всё ограничивалось словесной перепалкой, а если уж дело доходило до крайностей, они дожидались выхода за пределы Императорской академии Гоцзысюэ и отправляли своих слуг разобраться между собой.

Е Мянью отмахнулся от Ли Чжао, который бросился его разнимать, и еще несколько раз жестоко пнул Сюэ Пиньюаня в грудь. Тот сжался в комок, прикрывая голову и плечи руками, и жалобно завыл. В глазах Е Мянью горела ярость; он со всей силы пнул противника в поясницу, отчего Сюэ Пиньюань громко разрыдался.

Ли Чжао поспешно обхватил разъяренного Е Мянью за талию, удерживая силой, и закричал:

— Хватит! Прекрати! Сейчас придет инспектор дисциплинарной палаты!

— Отпусти меня! — Е Мянью дернулся пару раз, но вырваться не смог, и разозлился еще сильнее.

— Да успокойся ты, послушай меня! — настойчиво уговаривал его Ли Чжао. — Мы в Императорской академии Гоцзысюэ, нельзя калечить его здесь. С этим подонком мы еще сочтемся, способов куча.

Пока они препирались и вырывались друг у друга, сквозь толпу пробилась группа учеников. Некоторые из них с криками бросились к Сюэ Пиньюаню и помогли ему сесть.

Судя по браслетам, они, как и Сюэ Пиньюань, были из Двора Сюсы.

Двое учеников из Двора Сюсы направились к Е Мянью, и один из них гневно крикнул:

— Е Мянью, ты что творишь?

Юноши из Двора Цижуй тут же стеной встали перед Е Мянem и огрызнулись в ответ:

— А ты чего хочешь? Ты вообще кто такой?

Ученики Двора Цижуй привыкли вести себя нагло и разгульно, мало кто осмеливался переходить им дорогу. А сегодня кто-то посмел сесть им на шею! От ярости у них едва пар из ушей не шел. Поэтому, даже столкнувшись со старшими учениками из когорты Сю, они не собирались уступать. Атмосфера между двумя сторонами накалилась до предела, и зеваки поспешно попятились.

Цзян Бэйцинъ был вне себя от злости. Он нетерпеливо растолкал тех, кто загораживал Е Мянem. Парни из Двора Цижуй решили, что сейчас начнется потасовка, и уже приготовились кинуться в бой, как вдруг услышали голос Е Мянem за спиной:

— Не трогайте его, это мой родственник.

— Какой я тебе родственник? Я твой брат! — выкрикнул Цзян Бэйцинъ, но тут же пожалел об этом и исправился: — Нет у меня такого тупого младшего брата!

После драки у Е Мянem перестал болеть желудок, ноги больше не ломило, да и на душе знатно полегчало. Глядя, как Цзян Бэйцинъ мечется и противоречит сам себе, он даже нашел это забавным.

Вот только веселье длилось недолго.

Перед воротами Юнгуан громовой рев Великого инспектора Цзи разнесся по всей площади. Собравшиеся вокруг зеваки испуганно втянули головы в плечи.

— А ну, покажи руки!

Е Мянem упрямо прятал руки за спиной.

— Е Мянem! Не заставляй меня повторять дважды! — Великий инспектор Цзи от ярости был готов рвать и метать.

Е Мянem прикусил губу. Переведя взгляд на стоявшего перед ним инспектора дисциплинарной палаты с латунной линейкой в руках, а затем на толпу праздных наблюдателей вдалеке, он еще сильнее сжал кулаки за спиной.

— Протяни руки! — грозно приказал Великий инспектор Цзи.

Е Мянem вздрогнул, но тут же выдавил заискивающую улыбку:

— Может, вы лучше побьете меня палками по заднице?

— Не тебе выбирать! Ты ведь считаешь себя героем? Сегодня я заставлю тебя сгореть от стыда!

Великий инспектор Цзи, казалось, окончательно вышел из себя и лично попытался вытащить руки Е Мянem из-за спины.

— Да я хоть штаны сниму, пусть меня высекут палками! Пожалуйста, только не бейте по ладоням! — взмолился Е Мянem.

Великий инспектор Цзи вытянул его правую руку, но, подумав, сменил ее на левую. Взмахнув

рукавом, он скомандовал:

— Бей! Бей как следует!

Проводивший наказание инспектор дисциплинарной палаты сегодня и сам был сыт по горло выходками Е Мяня, поэтому бил без малейшей пощады. После первого же удара латунной линейкой Е Мяню захотелось немедленно умереть и переродиться заново.

Удары латунной линейкой по ладони причиняли невыносимую, пронизывающую боль. Но для Е Мяня физические страдания были второстепенны — главным было унижение. На глазах у огромного количества учеников Императорской академии Гоцзысюэ его лупили по рукам, словно нерадивого первоклассника, который не смог решить простую задачку.

Какое же позорище!

Удерживая последние крохи гордости, Е Мянь терпел стиснув зубы и не издавал ни звука. Слезы непроизвольно наворачивались на глаза, но он боялся даже моргнуть, чтобы не дать им скатиться по щекам.

Если он сегодня расплатится от побоев по ладоням, то в будущем ему просто нельзя будет показаться людям на глаза.

Когда боль стала невыносимой и Е Мянь едва сдерживался, чтобы не запрыгать на месте, к ним кто-то подбежал, и Великий инспектор Цзи скомандовал:

— Стой.

Е Мянь, к которому постепенно возвращалось самообладание, тяжело дышал. Обливаясь потом, он уставился на своего спасителя. Разглядев его поближе, он обомлел: перед ним стоял евнух в придворном одеянии.

Молодой евнух почтительно поклонился Великому инспектору Цзи и тихо произнес:

— Князь Жуннань приказал мне узнать, что здесь происходит?

— Ученик проявил строптивость, дисциплинарная палата приводит наказание в исполнение, — ответил Великий инспектор Цзи.

Получив ответ, евнух поклонился и поспешил обратно к стоявшему неподалеку князю Жуннаню.

Выслушав слугу, князь Жуннань направился к ним. На сердце у Е Мяня потеплело: подумалось, что этот Чжуан Сюй все-таки не такой уж мелочный человек. В будущем нужно обязательно отплатить ему за эту услугу.

Подошедший Чжуан Сюй пристально посмотрел на Е Мяня, но ничего не сказал. Е Мянь растерялся, почувствовав неловкость. Он шмыгнул носом и поспешно утер глаза рукавом.

Чжуан Сюй нахмурился, в его раскосых глазах-фениксах промелькнуло недовольство. Он повернулся к стоявшему рядом Великому инспектору Цзи:

— Почему остановились? Продолжайте.

Е Мянь онемел от изумления. Великий инспектор Цзи тоже опешил. Он-то думал, что князь

Жуннань состоит в дружеских отношениях с Е Мянem и пришел просить за него.

Очередной удар линейки со свистом опустился на ладонь Е Мяня. Не ожидая этого, юноша вскрикнул. Продолжение порки после перерыва было чистой пыткой. Боль вспыхнула с новой силой, оказавшись в несколько раз мучительнее прежней. Уж лучше бы его отходили за один раз без всяких передышек.

Судорожно вдыхая воздух, чтобы не потерять сознание, Е Мянь даже не успевал проклясть этого безумца. После нескольких ударов он уже не мог терпеть. Хотя он изо всех сил кусал губы, наотрез отказываясь молить о пощаде, слезы хлынули из его глаз сами собой.

Наказание длилось уже довольно долго. Великий инспектор Цзи заметил, что уголки глаз Е Мяня покраснели, а губы побелели словно снег. Мальчик мелко дрожал и выглядел крайне жалко. Посчитав, что с того хватит, инспектор уже собирался дать команду остановиться, но встретил холодный взгляд Чжуан Сюя и осекся.

Тот еще не вдоволь нагляделся, так с какой стати прекращать?

От автора:

Прошло несколько лет. Как-то раз ночью.

Е Мянь пинком сбросил Чжуан Сюя с кровати.

— Если приложишь еще хоть каплю силы, то просто придушишь меня до смерти! — сквозь слезы ругался Е Мянь.

Тот снова крепко обнял его, лишая возможности сопротивляться, и принялся покрывать мелкими поцелуями его шею, усыпанную багровыми отметинами, хрипло шепча:

— Ничего не могу с собой поделать. Ну что мне делать, если я так люблю на это смотреть? Почему кто-то может так красиво плакать?

— Чертов извращенец! Чтоб ты провалился прямо сейчас!

Когда прозвенел колокол, возвещающий об окончании занятий, Жуань Юньшэн прибежал к Павильону Синсы и понес на спине Е Мяня, который едва не протер колени до дыр на каменных плитах, обратно во Двор Цижуй.

Е Мянь уткнулся подбородком в его плечо и спросил:

— Ты как? Все еще болит?

— Сам в таком состоянии, а еще обо мне расспрашиваешь? — беспомощно усмехнулся Жуань Юньшэн. — Не болит уже. Чай хоть и был горячим, но все же не кипятком. Так что пустяки.

— Повезло же этому ублюдку, — пробормотал Е Мянь. — Иначе, стоило нам выйти за ворота Императорской академии Гоцзысюэ, я бы размозжил его собачью башку.

Убедившись, что с Жуань Юньшэном все в порядке, он успокоился и бессильно затих у него на спине. Этот день выдался на редкость паршивым, и у него совершенно не было сил разговаривать.

В полном молчании они вернулись во Двор Цижуй.

Жуань Юньшэн аккуратно нанес на ладони Е Мянэ мазь, которую принес из лечебного корпуса. Подумав, он стянул с него сапоги и закатала штанины выше колен. Как он и ожидал, на обоих коленях расплылись огромные лиловые синяки.

Остальные ребята не могли смотреть на это без содрогания. Сам Е Мянэ лишь покачал головой и вздохнул:

— Если я, черт подери, проведу здесь еще хоть год, то точно лишусь ног.

<http://bllate.org/book/18289/1753836>